

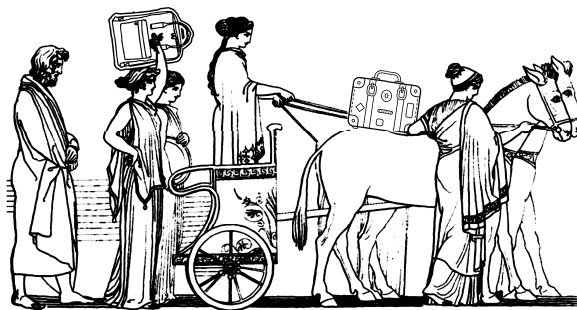
Моим дорогим маме и папе

СОДЕРЖАНИЕ

Совпадение/Una coincidenza (вместо предисловия)	9
1. Еще чего не хватало/Ci mancherebbe	15
2. Дети Венеры/Di Venere e Marte	27
3. Пораженный Маттео/L'affetto	37
4. Казино с доставкой на дом/Un casino	47
5. Приют христосов/Povero cristo	63
6. Договорились/Un affare	75
7. А сентименто/A sentimento	95
8. Венок для доктора/Dottoressa	103
9. Гроза/Ci tengo	115
10. Не со своей колокольни/Campanilismo	129
11. Неудачная женитьба/Sposarsi bene	145
12. Время и место/Tempo e spazio	155
13. Нотрдам/Madonna mia!	169
14. Пицца от Валентино/Canì e porci	177
15. Сарафанное радио/Spargere la voce	189
16. Происшествие/Un accidente	205
17. Подарок для маменькиных сынков/Forza!	219
18. Пупурати	229
Вместо заключения	234
Благодарности	236

СОВПАДЕНИЕ/ UNA COINCIDENZA (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

— Ч ао, хорошего пути! — крикнул оставшийся стоять на перроне кудрявый парень. Девушка помахала ему на прощание рукой и ушла внутрь. Поезд был ночной, но сидячий, за стеклянными дверями — узкие «купе» на шесть пассажиров, которым предстояло договариваться о том, в какую сторону закидывать ногу и когда меняться, чтобы не упереться друг в друга коленками. До отправления оставалось еще около получаса, и пока в вагоне никого не было. Пустота, смазанная дикция вокзальных объявлений и поздний час — время приближалось к полуночи — быстро произвели нужный эффект: девушку на сиденье сморил сон.

Проснулась она в сумраке, когда поезд уже двигался, и не сразу поняла, что светильник на потолке купе загораживает контролер. Он тряс ее за плечо: «Синьорина, билетто!» Машинальным движением она залезла в карман сумки.

— Простите, но у вас билет... до Рима! — Голос контролера прозвучал не сурово, а скорее ликующе — так, будто он только что распутал сложное преступление.

Пассажирка не сразу собрала воедино простые слова:

— А мы... куда едем?

Она явно была иностранкой, с пока сырым, как необоженная глина, итальянским.

— В Милан! — воскликнул он, соединяя пальцы рук в знак того, что ситуация вырисовывалась сложная.

— Но... я садилась в поезд на Рим, — уточнила пассажирка на всякий случай, хотя было понятно, что теперь ей придется высаживаться в Милане, а оттуда садиться на поезд до Флоренции, и что на запланированный утром урок она уже не успеет, и что придется тратить лишние деньги, которых и так негусто.

— Ну конечно! — радостно согласился контролер. — Но, наверное, вы не услышали — или, возможно, не поняли, — когда по вокзальному радио объявили смену путей. Поезда на Рим и на Милан стояли рядом и просто поменялись платформами. Это объявили за пятнадцать минут до отправления! — гордо добавил он. Ну конечно, она уже спала, пока итальянские поезда производили эти совершенно естественные для них манипуляции. И она тоже сложила руки у груди, соединяя кончики пальцев в знак того, что ее предупреждали, что на юге все именно так, безнадежно непредсказуемо.

Контролер пристально посмотрел девушке в глаза. Он явно воспринял машинально скопированный жест как мольбу о помощи.

— Подожди. — Тихим голосом он резко перешел на «ты», доставая телефон из кармана форменных штанов и движением руки приглашая следовать за ним в тамбур. «Сумки, сумки тоже бери!» — подсказал следующий жест, рисовавший круг в воздухе и поднимавший невидимые ручки. Через несколько секунд через раскрытое окошко коридора на них подуло

свежим ночным воздухом окрестных полей. Иностранка честно вслушивалась в разговор контролера, до конца не понимая, что происходит. Наконец он посвятил ее в свой план, радуясь ему, как ребенок, у которого, несмотря на поздний час, не отобрали игрушки.

— Видишь, — начал он, тыкая пальцем в темноту за окном, — мы еще в Апулии, еще не доехали до Фоджи, понимаешь?

Девушка неуверенно кивала.

— Поезда на Рим и на Милан идут с разницей в десять минут как раз до станции Фоджа, — торопливо продолжал кондуктор, уже набирая на клавиатуре телефона следующий номер. — А потом расходятся. И все.

И все, он уже снова кричал кому-то «Pronto!», итальянское «алло». В этот раз разговор шел с машинистом миланского поезда. Командирским тоном контролер давал распоряжения: доедем до Фоджи — стоим и ждем, я уже позвонил Джованни и обо всем договорился, пересаживаем на Рим, проверяем, села ли, если что — забираем назад. Несколько раз прозвучали вместе слова «иностранка» и «блондинка». Путешественница вслушивалась и не верила, поэтому лишь сильнее сжимала кожаные ручки дорожной сумки. Они стояли в тамбуре всего лишь несколько минут, но ей казалось, что скоро наступит рассвет.

Контролеру же некогда было перевести дух. Стоило закончить с распоряжениями — снова звонок: машинист поезда на Рим перезванивал со станции Фоджа. Начальник станции требовал от него быстрее освобождать платформу, машинист интересовался, где застряли «миланцы». Кондуктор пялился в темноту и описывал что-то невидимое за окном. Пассажирка успела поймать в потоке его речи слово «мост», но никакого моста заметно не было, и ей оставалось лишь теряться в догадках: то ли кондуктор врет, то ли они и правда где-то близко.

Скорее всего, правдой было и то и другое. Обернувшись, она посмотрела через стеклянные двери на свое купе: свет был выключен, ехавшие в Милан люди, договорившись о закидывании ног, спокойно заснули. Поезд въезжал на вокзал Фоджи. Кондуктор крикнул ей: «Беги через рельсы!» — и она побежала.

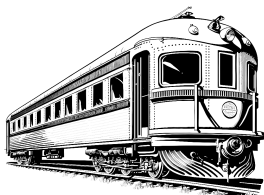
Бежать было сложно: двум желтым фонарям не удавалось разогнать густую темноту станции. Подошвами туфель она ощущала острую гальку, гладкие крутые рельсы, шершавые шпалы. Машинисты поезда на Рим приветственно помахали ей рукой, дверь одного из вагонов была открыта. Она забралась внутрь, проникла в темное купе, бесшумно опустилась на сиденье и, соединив пальцы рук на уровне груди, провалилась в сон. Поезда, просигналив друг другу, разошлись по своим дорогам: один помчал вверх вдоль линии Адриатики, второй свернул налево через горы, проделывая в обратном направлении маршрут древнеримских завоевателей четвертого и третьего веков до нашей эры.

Проснулась путешественница в той же позе, когда было уже светло. На секунду она решила, что странная ночная история ей просто приснилась. Но люди в купе смотрели в окошко с выражением отчаянного смирения, одна женщина предупреждала кого-то по телефону, что снова опоздает на работу: «Да, да, выбились из графика, неизвестно сколько простояли в Фодже, вечно у них что-нибудь случается, хоть бы раз возместили стоимость билетов, да, да, на пересадку, скорее всего, не успею». Девушка схватила газету, лежавшую на свободном сиденье справа, и развернула ее так, чтобы полностью спрятаться от своих попутчиков: очевидно, они не помнили, где именно она села в вагон, но под прикрытием прессы все-таки было надежнее. Глаза ее беспокойно бегали от строчки к строчке, а думалось лишь об одном: хотелось побыстрее доехать, выпрыгнуть из вагона, позвонить Джузеппе, чтобы рассказать ему о невероятном приключе-

нии, и проверить в словаре услышанное тогда впервые слово «пересадка», понятное по контексту и все-таки совершенно неправдоподобное. Coincidenza, «совпадение»: слово, вмещающее в себя все, что стоит знать иностранцам о работе местного транспорта.

* * *

Прошло много лет, и теперь эта история кажется мне произошедшей с кем-то другим — как давно увиденный и оставшийся в памяти фильм. Девушкой, пересевшей в поезд на Рим, была, конечно же, я сама, и в невидимом измерении сюжетных линий жизни это событие стало для меня символической «пересадкой» в сторону юга. Через год цепочка обстоятельств, созданных тем ночным «совпадением» на станции Фоджа, окончательно привела меня в Апулию, где я и встретилась со всеми персонажами этой книги.

1

**ЕЩЕ ЧЕГО
НЕ ХВАТАЛО/
СИ MANCHEREBBE**

В тот вечер я вышла из дома с авоськой — купить еды на ужин — и захлопнула входную дверь, изнутри которой был вставлен ключ. Я поняла это сразу, и в тот же момент в глаза мне бросилась внушительных размеров буква G, вложенная на лестничной площадке аккуратной коричневой плиткой. Она напоминала, что, несмотря на розовые стены, дом принадлежит семье с воинственной фамилией Гуэрра, и заставляла еще больше тревожиться о том, как открыть дверь, не ставя в известность хозяев.

Дом Гуэрра находился в маленьком городке, окруженном оливковыми рощами. Я переехала туда несколькими месяцами раньше и хотела пожить спокойно, предпочитая не заводить знакомств. Поначалу синьора Гуэрра, бывшая учительница, приветствовала меня радушнойшими «буонджорно», называла коллегой и советовала, где покупать рыбу и мясо. Ее муж приносил пакеты апельсинов, гордо подчеркивая, что они — с его малой родины, из Калабрии. Я обитала этажом ниже хозяев и хорошо слышала их кашель, бормотание старой собаки и разговоры с балкона с соседями. Верхний этаж занимала мансарда сыновей Гуэрра — Стефано и Николы.

На первом осмотре квартиры с агентом по недвижимости мы сели за круглый стол на кухне под уютной люстрой в стиле «Тиффани», и синьор Гуэрра сказал: «С нами вы будете как в семье. Мы хотим, чтобы жильцы приходили к нам за солью или за оливковым маслом, по любой нужде, с любой про-

блемой, мы всегда рады помочь». Я взяла время на раздумье, и оно затянулось.

Однажды те же самые слова я услышала от пожилого итальянца при приеме на работу. «Семья» — итальянские альфа и омега, но опыт подсказывал мне, что часто это слово используют как фасад именно там, где семейственность означает всякое отсутствие личных границ.

Перезвонив мне через неделю, агентша прибегнула к уловке. «Твоим квартиросдателем будет Стефано, иметь дело с родителями не придется вообще», — сказала она мне по телефону понимающим голосом. Повздохав еще один день, я согласилась: квартира в доме Гуэрра была самой большой и самой новой, с местом для парковки и двумя балконами.

Стефано и Никола не хотели, чтобы я ходила к ним за солью, — достаточно было пары вежливых фраз при встрече. Они дали мне пароль от своего вайфая и вмонтировали на кухне новую духовку. Казалось, что мои опасения насчет излишней южно-итальянской «семейственности» были напрасны.

Как-то утром в квартире раздался звонок домофона. Мне не хотелось вставать из-за компьютера: переехала я совсем недавно, моего адреса еще никто не знал, а значит, почтальон прийти не мог — разве что свидетели Иеговы. Домофон промычал еще пару раз и затих. Через минуту моя входная дверь начала медленно открываться. Я окаменела, вцепившись пальцами в клавиатуру. Письменный стол стоял от двери слева, немного в глубине, и увидеть меня с порога было

невозможно. Еще через пару секунд дом огласил крик синьоры Гуэрра: войдя внутрь снимаемого мной жилья, она ну совершенно не ожидала меня увидеть!

На ее вторжение, конечно же, имелись веские причины: развешивая на балконе белье, синьора упустила коврик, который зацепился за мой балкон и повис, рискуя улететь в сад. Дело требовало срочного вмешательства, а «срочно» и «вмешательство» — любимые слова итальянцев, когда речь идет об удовлетворении любопытства. «Эх, если бы только вы ответили на домофон!» — продолжала повторять синьора Гуэрра, обыскивая глазами гостиную. Она проверяла, действительно ли у меня так много книг, чтобы заполнить все те полки, которые при переезде я попросила освободить от никем не читанных собраний сочинений.

— Анна, только я прошу вас больше не заходить ко мне в квартиру в мое отсутствие, — сказала я в дверях домовладелице. Рукой с тремя крупными перстнями она прижимала коврик к сердцу.

— Еще чего не хватало! — досадливо отрезала она и вышла на лестничную площадку, стараясь не наступать на жирную G.

На следующий день синьора Гуэрра и соседка с нижнего этажа уже обсуждали прямо с собственных балконов мои странные привычки («Не покупает рыбу в магазине напротив, а ездит на рынок в Бари!») и моих странных гостей («Вся расфуфыренная, в вечернем платье, и дверь за собой даже не придержала, а от этого у нас замок ломается!»). Так я поняла, что мне объявлена война.

Я надеялась, что рано или поздно балконные пересуды прекратятся и я обрету желанный покой, ради которого и переехала в маленький городок, где меня никто не знал. Но в тот вечер, когда за мной захлопнулась дверь, я сразу представила себе звонок мастеру, замену замочной скважины, расходы и, конечно, возмущение синьоры Гуэрра, о котором

станет известно всему околотку. Последняя часть понравилась мне меньше всего. Тогда я позвонила Кармеле. Всем переезжающим в Италию должны выдавать на границе вот такого предприимчивого друга или подругу, готовых бросить все ради решения твоих проблем.

Кармела знала в Скупатиццо¹ почти всех, а кого не знала она, знали ее многочисленные родственники. Это она за-тащила меня сюда, когда мне нужно было найти жилье на ближайший год, и познакомила с агентшей по недвижимости Эсмеральдой, которая заманчиво улыбается с билборда уже на въезде в городок — там, где последняя олива смыкается с первым двухэтажным коттеджем.

Кармела нашла меня на парковке под домом: из машины я с тоской смотрела на собственный балкон, думая о том, что еще полчаса назад сидела вот в том плетеном кресле с книжкой в руках.

— А что, если балконная дверь не заперта? — подумала я вслух.

— Да, но где найти такую высокую лестницу? — развела руками Кармела.

На этот вопрос у меня был готовый ответ. Каждое утро я встречалась с ними на узких перекрестках — жители Скупатиццо прикрепляют длиннющие лестницы прямо к крыше машины, когда едут работать в оливковые рощи. Кармела так привыкла видеть на улицах городка транспорт с садовым инструментом, что полностью перестала его замечать, и мне стоило большого труда убедить ее в том, что нам всего лишь нужно найти знакомого фермера. Подруга произвела какие-то внутренние подсчеты, позвонила кузену, а тот позвонил дяде — и вот мы уже шагали, маневрируя концами

---

¹ Собирательный образ маленького итальянского городка на юге страны (*прим. ред.*).

лестницы на поворотах, по городку, на который ложились су- мерки.

Земля у дома идет под уклон, балкон высоко, а лестница о-о-очень длинная и совсем не устойчивая — все это мы поняли в тот момент, когда подошли к дому. Опасно размахивая стремянкой в сгустившейся темноте и сдавленными голосами давая друг другу указания, мы услышали, как на парковке останавливается фургон. Меньше чем через минуту семейная пара ласково интересовалась, что происходит, а я давала им объяснения, стараясь скрыть досаду. Винченцо и Беатриче оказались близкими друзьями семьи Гуэрра. Они сообщили, что старшие домовладельцы уехали в Калабрию, и предложили свою помощь.

Кармела стала карабкаться вверх. Лестница, которую мы держали вдвоем с Винченцо, покачивалась и одной ногой почти не опиралась на землю. Зад Кармелы описывал опасные круги в воздухе и особенно страшно завис прямо над нашими головами, когда она перекидывала ноги через балконную решетку. Но дверь оказалась закрыта на ключ. Лезть обратно подруга побоялась и осталась наблюдать за происходящим сверху.

Беатриче, не теряя времени, вводила в курс происходящего всех соседей, высунувшихся из открытых окон. Ей пришлось рассказать несколько раз, как они подъехали на фургоне, увидели лестницу и решили, что в дом Гуэрра лезут воры. Если бы из мэрии принесли рупор, ее смогли бы услышать и в соседнем городке. План незаметно и спокойно прожить в Скупатиццо год разбивался вдребезги на моих глазах. Я разглядывала звезды, чтобы не смотреть на соседей, представляя, как кто-нибудь уже набирает номер моих домохозяев.

Ничего другого, в общем, и не оставалось — я сама позвонила Стефано, чтобы попросить у него запасной комплект ключей, хранившийся в сейфе после вторжения его мамы.

— Ну что, что он сказал? — спросила Беатриче, стоило мне завершить звонок, и громким голосом повторила для публики на балконах: «Задерживается на работе!» И спустя еще полминуты: «А Никола недоступен!» В нескольких секундах воцарившейся тишины чувствовалось серьезное осуждение в отношении недоступного Николы.

— Он в «Тайнике»! — раздался вдруг из темноты хриплый женский голос. — Сама видела, как они туда входили, он и эта анорексичная, у нее еще отец владеет бензоколонкой на трассе.

— Ты знаешь, где это? — обратилась ко мне Беатриче и, не дожидаясь ответа, потянула меня за руку. Я и правда не знала, но было видно, что ей очень хотелось пойти туда со мной.

«Тайник» — это пиццерия, спрятанная в узле узких улочек старой части городка, в доме с толстыми стенами, где пропадает связь с внешним миром. Люди сидят там плотно, почти тесно, зал гудит голосами, и даже если бы телефон поймал сигнал, то вряд ли кто-то услышал бы звонок, а тем более голос звонящего.

По тому, как мы ворвались внутрь, было очевидно, что пришли мы совсем не за пиццей. На входе, за стойкой, встречал гостей хозяин. Когда он поднял на нас глаза, я уловила в них мимолетный испуг и сразу же вспомнила, почему его лицо показалось мне знакомым.

Дело было пару недель назад. В то утро я, как обычно, выехала на работу, но уехала недалеко. Колесо опасно застучало — лопнула шина, мне удалось развернуться перед выездом на трассу и дотащиться на медленном ходу до красивого розового дома не очень далеко от фамильного гнезда Гуэрра. Я была занята борьбой с домкратом, когда молодой мужчина с брюшком, копавшийся у себя в гараже, увидел мои страдания и предложил помощь. Всплескивая руками и растерянно улыбаясь, я наблюдала за тем, как он устанавливает запаску, а потом, прихрамывая, возвращается в гараж,

и кричала ему вслед раскатистые «грации». Прежде чем исчезнуть внутри гаража, он обернулся и с болезненной улыбкой произнес положенное по этикету: «Сі mancherebbe». Его хорошо воспитывали в детстве.

Сі mancherebbe — вежливый аналог «пожалуйста», такой мощный в своей щедрости, что им можно установить собеседника на пьедестал, но в целом это выражение годится для демонстрации самых разных эмоций. Им можно выразить негодование («Этого только не хватало!»), снисходительное одобрение («Ну еще бы!») или вот эту небывалую щедрость в ответ на чужую благодарность: «По-другому и быть не могло», «Я не смог бы поступить иначе». В «чи манкереbbe» ясно слышится глагол «недоставать», mancare, которым итальянцы скупают друг по другу или сообщают, что в блюде недостаточно соли.

Если бы нам захотелось развернуть в полную длину «Сі mancherebbe», произнесенное моим спасителем, то получилось бы что-то в этом духе: «Недоставало еще, чтобы я сделал вид, что не замечаю, как вы, прекрасная незнакомка, боретесь с домкратом, и не вызвался сам устанавливать вам запасное колесо, хотя мне было очень непросто нагибаться в этих вот узких джинсах, да и спина вообще-то побаливает. Недоставало еще, чтобы я не выполнил свой долг джентльмена и бросил вас на произвол судьбы — этого, как вы понимаете, совсем и ни в коем случае не могло произойти, сі mancherebbe!»

В жизни итальянцев часто бывает перебор — событий, эмоций, людей, переживаний, но никак не недостача. Недостача — предмет извинений и глубинного беспокойства.

За стойкой пиццерии был именно он, Джованни, и по испугу во взгляде я уловила, что боль в спине после галантного жеста еще давала о себе знать.

— Что случилось? — спросил он меня осторожно. Черт его знает, чего еще можно ожидать от этой иностранки с тягой к приключениям.

Пока я пересказывала Джованни свой вечер, Беатриче снова проявляла активность. Она вошла в зал и, не видя Николу, громким голосом выкрикивала его имя. Никола с девушкой сидели в дальнем углу, разрезая только что принесенную пиццу. Он увидел размахивающую руками Беатриче в тот момент, когда подносил первый кусок ко рту. Комок моцареллы, воспользовавшись заминкой, мягко свалился на тарелку. Беатриче не дала им возможности даже попрощаться.

На парковке у дома тем временем все были на своих местах: Кармела на балконе сражалась с комарами, Винченцо под балконом почему-то продолжал держать лестницу, соседи на других балконах курили, пили пиво, давали подзатыльники детям и обсуждали еще утренние новости — грядущее повышение стоимости комуслуг и скандальный пересчет пенсий в пользу государства. Отношение собеседников к государству было понятно по жестам, которые исполнялись на фоне освещенных окон, как в театре теней. Скорее всего, большая часть этих людей уже успели забыть, почему они решили провести вечер на открытом воздухе всем околотком.

И вдруг те же руки затрепетали в аплодисментах — Никола вынес из дома запасной комплект ключей!

— Молодец, Беатриче! — закричала какая-то девочка.

Зрители стали расходиться, желая друг другу спокойной ночи. А что, они очень неплохо провели вечер.

Я швырнула ключи Кармеле — и... Не долетев до балкона, они жалко шмякнулись во дворик соседки снизу. Той самой

соседки, которая так любила посплетничать обо мне с синьорой Гуэрра.

На этот раз сопроводить меня вызвался Винченцо. Я чувствовала себя не более чем статисткой: нажать на кнопку домофона, прошептать «буонасера», позволить Винченцо извиниться за поздний час и быстро, по-мужски, объяснить ситуацию. Соседка вышла из дома в махровом халате с крупными объемными розами и подала мне связку ключей. Во второй раз их бросал Винченцо — они, конечно, долетели по назначению, и Кармела наконец-то открыла балконную дверь. Я могла возвращаться домой. Винченцо загрузил на крышу фургона лестницу, чтобы отвезти ее обратно по месту назначения.

— Большое спасибо. — Слова благодарности вышли у меня почти бесшумными, потому что я была в ужасе от гвалта, нечаянно произведенного мной в последние часы.

— Чи манкереbbe, — радостно ответил Винченцо и улыбнулся так, что можно было разобрать буквально: «Еще недоставало, чтобы я, увидев, как воры пытаются залезть в дом Гуэрра, не пошел выяснять, что происходит, а потом...»

На следующий день я купила в цветочном магазине горшок с красивыми фиалками и оставила его у двери соседки снизу вместе с запиской: «Прошу простить за вчерашнее беспокойство».

О возвращении старших Гуэрра стало известно еще через день, когда возобновил свою работу клуб балконных новостей. Припарковав машину, я увидела, как оба квартиросдателя свешивались с третьего этажа, а соседка снизу, подобравшая ключи, жестами показывала, где стояла я, где стояла лестница, куда упала связка... Она также намекала, что из моей квартиры доносился запах гари и что неплохо бы проверить, не спалила ли я что-нибудь из хозяйского имущества.

— И представляете, она мне еще и цветы оставила, — сообщила она на диалекте, используя для «цветов» слово, похожее на «сорняк». — «Прошу простить за беспокойство». Она что вообще думает, что она в Париже?

Чета Гуэрра искренне расхохоталась.

— Ну и что, ты сорняк-то взяла?

— А то! *Ci mancherebbe!*

2 ДЕТИ ВЕНЕРЫ/ DI VENERE E MARTE

— С иньора, вы придете сегодня? — Секретарь позвонил мне за пять минут до назначенного времени.

Я поднялась с лавочки в тени платана и, пройдя через сквер, подошла к палаццо малинового цвета. Первая слева дверь — дубовая, авторитетная — вела в адвокатскую контору. Я нажала на позолоченную кнопку у входа, но звонок эхом прошелся по пустому особняку, а за ним второй и третий. В недоумении я осталась стоять, прислушиваясь, перед дверью. Ровно в десять по ступенькам поднялся полный мужчина в мятых серых брюках и рубашке поло. Открыв дверь ключом, он пригласил меня внутрь.

Просторный холл был наполнен старыми фотографиями городка: церковь Святого Эразма, особняк Караччоло, бенедиктинский монастырь... В углу стояло бесполезное кресло с позолоченными завитушками. Я мысленно приготовилась к ожиданию, но мужчина жестом указал мне на открытую дверь: адвокат готов вас принять.

Адвокат оказался женщиной. Около шестидесяти, светлые волосы с темными корнями тщательно выпрямлены, на руках — длинные розовые ногти. Многие итальянки не носят длинных ногтей. Они обильно покрывают руки перстнями, когда выходят из дома, но по их ногтям всегда можно сказать, занимаются ли они готовкой и уборкой собственного дома. Длинные ногти указывают не столько на богатство, сколько на интеллектуальную профессию — или на то, что ты все еще живешь с мамой. Но самым примечательным в ад-

вокате был халат: шелковый, с розово-красными переливами и дорогим матовым эффектом. В кабинете с массивным столом, расписной плиткой столетней давности и вышитым фамильным гербом он смотрелся так, как будто хозяйка только что отослала одевших и причесавших ее слуг, чтобы принять в будуаре гостя, но случайно ошиблась комнатой.

— Мария Джузеппе Мадзарелли, — представилась она, пожимая мою руку так, чтобы как можно меньше до нее дотронуться.

Мария Джузеппе говорила высоким срывающимся голосом, глядя прямо перед собой, уставившись в одну точку маленькими глазками. Она не задавала лишних вопросов и не склонялась к разговорам, даже когда я попыталась польстить ее тщеславию, вслух обратив внимание на герб с бело-голубыми квадратами и странной рукой, сжимающей пучок прутьев.

Пока я осторожно шныряла глазами по кабинету, адвокат читала принесенные мной документы. Затем она подытожила ситуацию, разложив ее на статьи гражданского кодекса и все возможные муки, которые может претерпеть ответчик, если правильно повести дело. Дама в халате явно уже представляла, как оппонент будет умолять о пощаде у ее ног. Во взгляде у нее читался охотничий азарт, а на носу выступили капельки пота. Пучок прутьев с герба вдруг перестал казаться загадочным.

Прояснив все необходимые детали, я сообщила, что свяжусь с секретарем, как только приму окончательное решение, и повернулась ко входу. На стене, которая все это время оставалась за моей спиной, висела большая репродукция «Рождения Венеры». Мария Джузеппе явно вдохновлялась ею при походах в парикмахерскую. Еще в древности одним из семи недостатков богини красоты считалась неравномерность цвета волос: на самых корнях их оттенок был более темным.

Моя машина стояла как раз за углом. объезжая палатцо сзади, я успела увидеть, как адвокат переходит улицу — в красном шелковом халате, с идеально уложенными воло-

сами — и скрывается в доме напротив. На ногах у нее были розовые пляжные тапочки.

Вы бы доверили свое дело Марии Джузеппе? На всякий случай я решила получить еще одну консультацию.

Многоэтажное здание в самом центре крупного города. Входят и выходят жильцы с собаками, звонят в домофон клиенты контор, занимающих нижние этажи. Гвалт летнего утра, в парке напротив сидят на скамейках старики, вокруг парка кружат машины в надежде на парковку.

Я стою у входа уже пятнадцать минут, но сверху, из адвокатской конторы, никто не отвечает. Та же тишина — по телефонному номеру секретаря. Пожилая женщина заходит под козырек подъезда и просит прикрыть ее, чтобы пересчитать деньги, взятые из банкомата. Еще одна старушка останавливается на оклик случайной прохожей: «Тетя Розальба!» И еще до того, как ей удастся выяснить имя незнакомки, Розальба оказывается вовлеченной в видеозвонок с каким-то общим родственником.

В двадцать две минуты одиннадцатого перезванивает секретарь:

— Ах, адвоката еще нет? Ну что вы так переживаете? Наверное, попал в пробку или случилось что-то еще. Не уходите, он уже в пути!

Еще через пять минут появляется пухлый юноша с пакетом круассанов и приглашает подниматься за ним. За дверью — новые двери. Ожидаю в малюсеньком предбаннике с тремя складными стульями.

Адвокат — мужчина не старше сорока — входит, неся впереди ослепительную улыбку. На нем узкие джинсы и льняная рубашка в полоску, раскрытая до первых курчавых волос на груди. Загар, солнечные очки, массивные часы, портфель, только что купленная финансовая газета. И еще — браслет из ракушек, их продают на пляжах африканцы, а покупают — те, кто хочет прослыть сердобольным человеком.

Чтобы попасть в его кабинет, нужно пройти через комнату для собраний, где пухлый ассистент дожевывает круассан. Адвоката зовут Луиджи, и он сразу пытается войти в мое положение:

- Все в порядке? Вижу, вы беспокоены.
- Обеспокоена? Нет, я просто болезненно пунктуальна.
- Ах да, я опоздал. Прошу простить меня! *Chiedo venia!*

Chiedo venia — это вам не обычное «сорри». Им не извиняются, наступив на ногу или невольно подрезав кому-то дорогу. Для примирений после семейных ссор оно тоже не подходит, иначе домашние решат, что ты издеваешься. «*Venia*» — слово языческое, означающее «милость богов» и уцелевшее в речи со времен почитания Венеры. Современные итальянцы «просят милости богов» в двух случаях: чтобы придать извинениям возвышенную академичность или чтобы извиниться понарошку, в шутливой форме, за какую-то совсем незначительную провинность. Даже у католической церкви есть специальное понятие «вениальных грехов»: они, в отличие от грехов смертных, могут быть прощены «автоматом», без покаяния. Например, те же опоздания.

Я вновь излагаю адвокату свою проблему: в доме течет крыша, бывший владелец просто залатал сверху дырки, не удосужившись сделать серьезный ремонт или предупредить меня в момент продажи.

Луиджи ерзает на стуле, читая документы. Говоря со мной, он ищет визуального контакта и соединяет кончики пальцев

рук домиком. В отличие от адвоката в розовом халате, ему больше нравится тактика синицы в руках.

— Зачем доводить дело до суда? Никогда же не знаешь, какой попадется судья. А если это женщина, которая собирается в декрет? Придется ждать ее потом два года! А еще судье может просто не понравиться дело, потому что оно скучное, про какую-то крышу, и он будет его все время откладывать. Поэтому надо обязательно постараться договориться и найти любовное решение с бывшим хозяином.

Луиджи смотрит на меня выжидательно, надеясь на одобрение, и, не вытерпев, продолжает:

— Ты не смотри, что я такой спокойный и любезный! Я всегда стараюсь избежать конфликта, но, когда нужно настоять на своем, я настоящий боец! Да, и прости, что я к тебе на «ты», но я увидел в контракте твою дату рождения и понял, что мы ровесники...

И его несет все дальше и дальше — так что в какой-то момент я ловлю себя на мысли, что с этим парнем вполне можно устроить ночной автоперегон до Рима без риска заснуть.

Из спортивного интереса спрашиваю у Луиджи, сколько будет стоить формальное письмо бывшему владельцу дома и сколько времени уйдет на его подготовку. Это оказывается отличным поводом, чтобы красивым жестом поднести к лицу запястье с часами:

— М-м-м, сегодня четверг... Не раньше понедельника, а то и в среду!

— Так долго? Целая неделя?

— Разве ты не знаешь? На Венеру и на Марса не женятся!

***Старинная поговорка запрещает итальянцам жес-
ниться, начинать путешествия и любые новые дела, тем***

более те, что требуют креативности, по вторникам и пятницам — дням Марса и Венеры. Короткая неделя была придумана в этой стране задолго до получения полных гражданских прав.

Когда наконец уже можно подняться со стула, адвокат останавливается перед дверью и не удерживается от последнего монолога:

— Так вот, чтобы окончательно прояснить ситуацию, хочу рассказать тебе, почему опоздал сегодня утром!

— Да я уже забыла об этом, не беспокойся. Наверняка ты просто попал в пробку...

— А вот и нет! — В голосе Луиджи трубит ликование. — У меня дома завелись муравьи!

Принимая мое недоумение за желание тотчас же узнать детали, Луиджи радостно продолжает:

— Просыпаюсь я и вижу в коридоре муравьев! Звоню жене — она ночевала сегодня у мамы — и говорю: «Где у нас средство от насекомых?» Она говорит, в шкафу, но я там уже смотрел. Она говорит: «Посмотри получше», я перерываю там все — если сейчас зайти ко мне домой, то там на полу просто взрыв из всех этих флаконов! — но от насекомых ничего нет, и тогда... Тогда я иду завтракать.

Луиджи оставляет небольшую вежливую паузу для ответной реакции, но я не успеваю ей воспользоваться.

— Я всегда завтракаю в одном и том же баре, уже много лет. Если кто-то хочет встретиться со мной или, допустим, меня убить, сделать это очень просто: нужно всего лишь прийти в бар напротив дома. Я вхожу и сразу сажусь за столик без заказа — там все и так знают, что мне принести.

В этот момент я замечаю, что Луиджи как будто сделался выше — ах эти волшебные дрожжи самоупоения! Мне также становится понятно, кто тот самый гипотетический судья, которому скучно разбирать дела про чужие крыши.

— После завтрака мне пришлось еще зайти купить средство от муравьев в магазине неподалеку и вернуться домой, чтобы везде побрызгать!

В конце рассказа Луиджи все-таки чувствует неладное и, не успевая убрать торжествующую улыбку, добавляет, смазывая финал:

— Ну а потом, конечно, были пробки!

Сомнений в выборе адвоката у меня не осталось, и главным аргументом в пользу Марии Джузеппе была, конечно, ее очевидная беспощадность. Сразу же после, с небольшим отрывом, шла моя уверенность в том, что для зала суда у нее наверняка заготовлен совершенно особенный наряд...

Правда, ни увидеть этот наряд, ни помечтать о нем мне не пришлось: уже на следующее утро позвонил «ответчик», бывший хозяин дома. С предложением решить дело полюбовно.

Нет, его не замучила совесть — просто он случайно узнал, что его племянница Бэлла защищает у меня диплом. А Бэлла, соответственно, обнаружила, что ее профессиональному будущему угрожают дядины проделки с крышей. До меня быстро дошли слухи о том, как днем раньше моя студентка кричала на своего пожилого родственника прямо за стойкой центральной кофейни городка, при всех дядиных приятелях, с которыми он обычно перелистывает часами спортивные газеты и пялится на женские округлости. И потом, за неполный день затишья и внутриклановых переговоров, диплом с надеждой на высший балл перевесил на семейных весах стоимость ремонта крыши.

Я не была уверена в том, что они родственники: мало ли ходит людей с одинаковой фамилией. И, конечно, не стала бы топить Бэлла, даже если бы эта семейная связь вдруг сделалась для меня явной. Но меня никто не спрашивал: все, как

часто бывает в Италии, произошло само собой, стоило только моему «делу» попасть в руки к «нужным людям».

В день защиты диплома на Бэлле была белая рубашка со скругленным воротничком, застегнутая до последней пуговицы, и элегантные серые брюки. Стол приемной комиссии загибался углом, и с моего места было отлично видно, как сбоку брючная ткань расходилась смелым разрезом до бедра. От лодыжки до колена красивую ногу Бэллы покрывала табуировка — стрела, оплетенная розами. Ее голос прерывался от волнения, и время от времени она скашивала глаза, ища моей поддержки.

Неподалеку от меня, прямая, как статуя, сидела мама Бэллы в розовом костюме. Она сосредоточенно и бесшумно двигала губами, повторяя слова дочери, как заклинание. Пальцами правой руки синьора вертела браслет с ракушками, задерживаясь на каждой из них на несколько мгновений — так местные женщины перебирают зернышки четок, когда молятся о чем-то важном своей главной богине.

